

– Имя?

– Горин Андрей Владимирович. 4 мая 1980 года рождения.

– Статья?

– Статья 162, часть 2. 5 лет.

– Подойди за вещами сюда. Проверь все ли на месте. Ботинки черные, брюки черные, свитер бежевый, шерстяной, куртка синяя. Ключи и пакет. Еще деньги 366 рублей и 10 копеек. Вот здесь подпись поставь.

– А часы?

– Какие часы? Часов не было.

– Должны. Посмотрите получше, может, упали...

– Ага, в карман мне упали. Давай проходи, ты тут не один тут такой умный, очередь не задерживай.

– Зато ты один.

– Что ты сказал?

– Ничего.

– РАЗГОВОРЧКИ!

Глава 1.

По обычной улице, шел мужик, он же Горин. Шел мужик быстро, можно даже сказать подозрительно, но никто не обращал на него никакого внимания, потому что у всех на плечах была осень. Да и не только на плечах, но и на стенах, и под ногами, была осень. Во всем мире она была. И у мужика тоже. Поэтому он даже воле особо не радовался, только шагу прибавил, потому что спешил, и потому что из всех прочих свобод, ходить для него было наивысшее счастье.

Так и шел мужик без остановок пока не оказался в знакомом дворе. Там он замер огляделся вокруг, не узнать ничего. Детскую площадку построили, скамейки поставили, даже двери подъездов и те заменили на новые. И все новизной дышит, а не табачным дымом как раньше. Горин, подошел,

встал у подъезда в ожидании, когда кто-нибудь выйдет. Номер квартиры, он знал, но пользоваться домофоном не стал чтобы избежать лишнего риска. Как оказалась не зря.

– Кто там? – послышался из-за двери скрипучий голос старухи, когда он поднялся и позвонил.

– Криминальная полиция, – представился Горин, – откройте. Ваших соседей сверху утром ограбили. Опрашиваем возможных свидетелей.

– Божечки мои, – отозвалась старуха, – одну минуту, иду. Послышалось нетерпеливое шевеление, затем как будто что-то упало и наконец, старуха открыла, открыла и попыталась закрыться опять. Но Горин ожидавший такого поворота событий успел поставить ногу в проем и грубо отпихнув старую женщину вошел внутрь. Старуха сопротивлялась, била его кулаками, кричала «грабят, убивают, сейчас милицию вызову», но делала это как будто бы от бессилья, когда нет ни силы, ни желанья отбиться. Поэтому, не замечая ее, Горин сразу пошел до кладовки, и выбросив оттуда несколько старых вещей, полез к дальней полке.

Старуха так и застыла.

– Что ты там ищешь? – возмутилась она, – нет ничего.

Горин и сам это понял, вытащил пустую руку обратно.

– Где? – спросил он, переведя взгляд на старуху, та ничего не сказала.

– ГДЕ? – громче повторил он, делая шаг в ее сторону.

Старуха попятилась, налетела на тумбочку и вдруг неожиданно вскрикнула.

– АЛИСА! Беги! Беги назад, в свою комнату.

Он обернулся и увидел позади себя девочку, совсем еще маленькую, лет в пять может шесть, в розовой полосатой пижаме. Испуганная, она прибежала, на крик и теперь не отводя взгляда, смотрела на Горина. Тот переменялся в лице, попытался сделать вид, что ничего не случилось.

– Привет, – поздоровался он, поглаживая жесткие волосы. – Не узнала меня?

Алиса отрицательно повела головой. Ее глаза такие же темные как у Горина, за исключением детского блеска, продолжали смотреть неотрывно, ожидая ответа.

– Ну как? Алиса, это же я. Твой отец.

Девочка вопросительно перевела взгляд на бабушку, та, зажав рот рукою заплакала.

– Ты не ной, – сказал бабке Горин, – иди лучше двери закрой, а то и правда, воры зайдут. Затем улыбнулся, повернулся обратно к Алисе.

– Что и правда, не помнишь? – сказал он, опускаясь на корточки. – а я тебя вот такой маленькой помню, на руках этих носил.

– Че ты врешь-то! – возразила старуха.

– Ты рот свой закрой, ребенка пугаешь. Алиса, ты не молчи, скажи, что – нибудь.

– Здравствуйте, – тихо отозвалась Алиса.

– Здравствуйте, – неуклюже повторил он за ней, усмехнулся – и че все? Ну здравствуй Алис.

– А вы правда мой папа?

– А что не похож?

– Мама говорила, вы умер. Поплыл на корабле и умер.

– Так я выжил, солнце мое. Разве твоего папу, так просто убьешь?

Она пожала плечами. Горин взял ее за руку и отвел назад в зал, к телевизору. Огляделся и не зацепившись ни за что взглядом, поднял с пола лежавший там джойстик.

– Играешь? – спросил он у девочки.

Девочка молча кивнула.

– Это правильно. Я в детстве тоже играл. Весело было...

Тут он позволил себе погладить девочку по волосам и удивился тому, что с виду знакомы, а на ощупь как не родные.

– Ну, играй, играй, – сказал Горин, отнимая ладонь, – только ты сиди здесь, и никуда не ходи. Нам с бабушкой нужно поговорить. Хорошо?

– А в туалет? В туалет можно?

– В туалет можно.

Что-то изменилось после этого короткого разговора у Горина, успокоилось. Он снял пальто и как будто не было его не пять лет, а пять часов, прошел на кухню и опустился на стул в ожидании еды. Старуха, которая до того была там, сделала вид что не заметила его появления. Стояла и курила в окно. До этого Горин никогда не видел ее сигаретой в зубах. По крайней мере, когда его пять лет назад, с кровати, что

за стеной забирали, крутили его словно животное. Лицо у старухи было спокойное, каменное. Он это лицо хорошо запомнил. Оно ему теперь одно на всех, кто его Горина, за образ жизни судил. Одна на всех морда.

– Есть хочу, – сказал Горин, пододвигаясь к столу.

Тишина.

– Алё ты меня слышишь? Есть хочу. Я из – за освобождения завтрак сегодня пропустил и обед тоже.

– Зачем тебя кормить? – отозвалась старуха, закрывая окно – все равно через пару месяцев опять сядешь.

– Не сяду.

– Куда ты денешься? Обязательно сядешь. Таким как ты самое место в тюрьме.

– Не сяду, – настойчиво гнул свое Горин. И голос его снова стал громче.

Но старуха, как будто бы осмелев и чувствуя, нашла слабое место, продолжала повторять «сядешь и сядешь», и Горин, не выдержав ударил кулаком по столу. Зазвенела посуда, и в комнате, вдруг стало оглушительно тихо. Слышно было только, как горит пламя на газе. Ровно совсем не волнуясь. Но спокойствие от такого огня было искусственное и как, и тепло, не передавалось никому в этой комнате.

– Не сядет он, – первой нарушила молчание старуха, небрежно почти бросая перед ним тарелку на стол, – жри, давай. Ну чего ты уставился? Я сильно не грела. Ешь, пока не остыло.

Не став дальше спорить, он ей слово она ему два, Горин взял ложку, отломил кусок хлеба и принялся есть. Вкусный был суп, ни в какое сравнение с тюремной баландой. А еще было бы лучше, если б бабка молчала. Но та разошлась, как пила, вошедшая в дерево.

– И что в тебе только моя Лена нашла, – продолжала старуха, – предупреждала же ее, говорила. Знала, что так все будет. Ей жизни не дал, сейчас к нам приехал жизнь портить. Это из-за тебя Лены не стало. Это ты виноват. Ты. Если бы она с тобой не связалась. То сейчас бы живая была.

– А я тут причем? – с полным ртом спрашивал Горин, – я ее не сбивал. И за рулем меня не было. Я второй год в это время мотал. А то, что я как ты хотела бы, в тюрьме не по-

весился, так она сама мне первым и единственным письмом написала, что между нами все кончено.

– Сволочь ты! Ничего человеческого в тебе нет, и никогда не было.

– Ты меньше болтай, аппетит портишь.

– Да чтоб ты вообще подавился.

– Ты мне деньги отдай, я и уйду. Мне знаешь на тебя смотреть тоже не предел мечтаний.

– Какие еще тебе деньги? – причитала старуха.

– Те самые, – собирая хлебом, остатки супа со дна отвечал Горин, – обычные. 800 тысяч, что я перед арестом принес и в кладовке оставил.

– Нет их давно, на что мы твоему, все время без тебя жили? За свет дай, за газ дай, на школу дай. Везде деньги нужны. Ты только посмотри, как мы живем?

Горин осмотрелся. Жили они и правда, нельзя сказать, что богато. Наоборот все старое, ношенное, пожелтевшее, как будто бы пропитавшееся за годы светом от лампы. Даже только что освободившемуся Горину находиться здесь не было радости. Однако, несмотря на убогость, воровское чутье не обманешь, беглого взгляда хватило Горину, чтобы понять, что деньги в доме имеются. Только вот не понять где, в сливном бочке, в простынях, а может быть вообще не в квартире, это еще предстояло узнать.

– Чем ты думаешь только? – постучала себя кулаком по лбу старуха, – дурак, вор, преступник. У тебя посмотри дочь, больная растет, хоть бы ее жалко стало.

– Че с ней? – машинально спросил он, сам продолжая думать о деньгах, – простыла?

– Нет, – сказала старуха, протирая глаза, – у нее на душе не в порядке.

Горин посмотрел на нее вопросительно.

– Не понял. Это как? Она что у меня ненормальная что ли?

– Тише, дурак, разве можно так о ребенке. У нее травма.

– Какая еще нахер травма? Ты что такое несешь?

– Когда Лена погибла..., – не своим голосом сказала старуха.

– Ну говори, говори ты быстрее, – поторапливал ее Горин, который не любил, когда вот так тянут.

– Когда Лену, сбили, Алиса рядом была. Лена ее забирала из школы. У ребенка прямо на глазах мама погибла. Я, когда в больницу приехала. Алиса меня не узнала. Потом доктор был психиатр. Сказал у девочки сильный шок. Она зрение потеряла. Сколько я с нею тогдамись намаялась. Сколько слез пролила, одному Богу известно. Думала так и помру с ней на руках. А еще Леночку хоронить надо...

Старуха отвернулась, заплакала.

– Но сейчас то нормально. Видит вроде, – неуверенно сказал Горин от неожиданности, – Я же с ней, вот разговаривал.

– Да какой там, – махнула рукою старуха, – зрение то восстановилась, но может снова пропасть. Доктор сказал ей нельзя волноваться, сильный стресс, до конца жизни слепой может остаться. А тут ты еще, как специально приехал.

– Жалко девочку, но я же тебе говорю деньги, отдай, я уеду. Мои это деньги. До тебя не доходит? Я за эти жалкие 800 тысяч срок отсидел.

– Дааа, нету денег. Нет, я тебе говорю. Что я их тебе высрать должна?

– Ты не выражайся. Ребенок услышит, подумает бабка тоже поехала.

– Нету, говорю я тебе. Нет.

Горин не стал, возражать, и чтобы не пускать ставшим бессмысленным разговор дальше по кругу, поднялся, взял в рот кусок хлеба и отправился к двери. Там одеваясь, сказал.

– Ты подумай. Мне только деньги нужны, и ты меня больше никогда не увидишь. Квартира вам с Алисой останется. Ну что ты так злобно смотришь? Ты же меня все равно не увидишь. Смотри на это, как на хорошую сделку. Понимаешь? Ты подумай, я еще к вам зайду.

Горин ушел не прощаясь, а бабка, закрыв за ним дверь, на вопрос внучки «кто это бы?» сказала, что «этот мужчина чужой и что он больше никогда не вернется».